

Город, где есть фальшивобилетчики

Кусочек сцены в награду

Владимир Петров, главный режиссер Омского театра драмы, считает минувший год самым счастливым. Не из-за того, что их спектакль "Женщина в песках" получил три высшие российские награды, а четвертую "Золотую маску" в номинации "Честь и Достоинство" вручили их же актрисе Елене Псаревой. Произошло событие еще более небывалое. К ужасу директора и администрации академического театра, к заинтересованному неудовольствию омских правоохранительных органов и к восторгу восторгу труппы и главаря в городе объявилась криминальная структура, которая стала подделывать... билеты в Омский драматический!

Может ли в экономически кризисующей стране быть награда выше?

"Я вообще многого не понимаю, — сказал Петров после спектакля и после многочисленных вызовов на бис. — Как можно так играть, как они играли сегодня, если три месяца не получавшь зарплату? Зал всегда переполнен, но вся выручка идет на аренду и "коммуналку", а зарплату не остается... И как мо-

жет быть переполнен зал, если зарплату задерживают не только в театре? И как при этом билеты к нам остаются в городе вполне принятым и приличным подарком на день рождения или на Новый год?"

Мы тоже не понимали — сидели и озадаченно почесывали напрочь отхлопанные после спектакля ладони. Может быть, только кое-что прояснил для нас музей театра, размещенный в фойе. Там в главных экспонатах, среди афиш на самых разных языках — рама на стене, а в ней — несколько до серебряности вытертых старых дощечек.

Это, оказывается, они в театре сцену меняли. На зарплату не хватает, а на ремонт кормилицы-сцены наскребли. Ей, старушке, было больше ста лет — сибирская лиственница служит веками. Так вот, каждый работник театра получил ее кусочек. Плотникам велели напилить, бутафорский цех наклеил кусочки со спичечный коробок на бархатные бумажки-паспарту, и каждому выдали как награду под обложку аллодисменты. А самый большой кусок — на стенку в музей.

Никто не призывает платить актерам старыми досками. Но если для каждого, даже не получающего зарплату в театре, его сцена —

святыня, многое проясняется. И счетверенные маски, и новый вид криминального бизнеса...

Ее сиятельство Библиотека

Вот вы знаете, сколько нужно бельевых веревок, чтобы высушить одну научную библиотеку? А директор омской Пушкинки Раиса Николаевна Царева знает.

А сколько нужно моющих средств, чтобы библиотека сияла и сверкала так, как Омская областная научная имени Пушкина? На полторы тысячи рублей в месяц.

Но зато она будет, как белая лебедушка. Будет в центре старого разбросанного города, где много прекрасных интереснейших зданий, достойно представлять не только книжную культуру, но и архитектуру России конца второго тысячелетия н.э.

В 1995 году к лету закончил Омск во главе с губернатором эту долгую трудную стройку — и тут просто взбеленился Иртыш. Такого наводнения здесь не помнят. Перевозжавшие книги намокли. Четверо суток библиотекари не выходили из затопленных подвалов. А потом — омский климат и омские жители помогли.

Конечно, зимой здесь морозы

очень даже сибирские, но уж зато и летом жара. А количество часов солнечного сияния в Омске в полтора раза больше, чем в Москве, — как в Краснодаре.

Что же до омичей — их один миллион триста тысяч. А посетителей у Пушкинки — 550 тысяч в год. То есть и сегодня библиотека, основанная в городе в год столетия Пушкина и названная его именем, нужна, скажем условно-арифметически, каждому второму жителю ежегодно.

Недаром ей подарили лучшее в городе современное здание. И очень живописно-колоритно доказали всем Омском любовь после наводнения.

На всей огромной площади перед огромным зданием, под замечательно сияющим солнцем растянули тысячи бельевых веревок — и на них бережно развешивали мокрые книги все ходячие из соседней центральной городской больницы, и все школьники, не уехавшие к деревенским бабушкам, и просто читатели-добровольцы; развешивали и аккуратно перелистывали, а самые мокрые страницы перекладывали сухой бумагой. Погибли только подшивки районных газет — хуже печати нельзя придумать, она просто растворилась в воде, —

из почти 5 миллионов книг не пропала ни одна. Выходит, каждый средний омич не только спас в среднем по четыре книги на душу, но ведь, pardon, и не спер ни одной, греха на эту самую душу не взял!..

В этом удивительном городе не только подделывают билеты. Какой еще, кроме подделки, несомненный признак ажиотажного спроса на что-либо? Правильно: помят читатели постарше — очередь. Так вот, мы своими глазами видели очередь на вход в Пушкинку. А как иначе, если "проектная мощность" огромного сооружения — тысяча посетителей в день, а "по факту" в воскресенье накануне нашего в Омск приезда зарегистрировали 1900 посетителей?

В десять утра открываются двери, и небольшая толпа ожидавших на морозце румяно-оживленно врывается в потрясающий вестибюль и устремляется в гардероб под звуки почти Мендельсоновского марша и торжественного приглашения в радиодинамиках. И — к тем же ассоциациям — у каждого омского читателя есть право одной ночи. Его придумал отдел межбиблиотечного абонемента. Как все гениальное, придумано от нужды. Библиотеки в провинции сей-

час комплектуются из рук вон, нет денег, — но Пушкинка получает максимум. Так вот, для читателей других библиотек книги выдаются, но только — на одну ночь.

Раньше так читали "самиздат"...

Цена входа с чаепитием

В самом красивом деревянном доме Омска располагался колчаковский штаб. Не в канцелярском смысле, а в некоем адмиральском — здесь, скорее, было что-то вроде офицерской кают-компания. В резном прелестном теремке жил человек удивительный — немец по имени Филипп Филиппович, русский дворянин и крупнейший омский коммерсант и промышленник Штумпф. У него столовалось высшее колчаковское офицерство.

Белов Кондратий Петрович, 1900 года рождения, у Филиппа Филипповича не обедал, он столовался в казарме, ибо был в колчаковской армии самым простым рядовым. Впрочем, не самым — однажды совершил поступок из ряда вон: нарисовал на стене казармы по просьбе сослуживцев обнаженную деву в натуральную величину. Унтер думал, что с ним делать — доложить ли по начальству, но тут

обстановка изменилась. Колчак, верховный правитель, был схвачен и расстрелян, Штумпф исчез, а Белова, в силу тогдашней его исторической мелкомасштабности, подхватило вихрем революции, закрутило и забросило в другие казармы — уже красные. И про пребывание недолгое у Колчака Кондратий Петрович много-много десятилетий молчал.

Теперь в особняке Штумпфа Музей народного художника России К.П.Белова. И в одном из залов — множество исторических картин: "Арест Колчака", "Расстрел Колчака", "Колчак принимает парад". На картинах — омские реалии того времени. У моста, близ полины, где расстреливают адмирала, стоит прекрасная часовня, которую потом тоже убили — динамитом. Когда восстанавливали — а этого успел добиться престарелый художник, — пользовались его картиной как одним из источников для воссоздания цвета, декора...

Но всесибирскую известность Белову принесли его пейзажи. Они в главном зале — и там же музыкально-поэтический салон, популярный в городе.

... Мы вошли в музей с мороза звёздным неподвижным вечером — и явственно ощутили две вещи, на-

столько уютные и уместные, что даже как-то не очень поверилось: звучал рояль и пахло пирогами. Лакобное объявление на стене проглатило мысли о галлюцинации: "Вход для школьников — 1 рубль, с чаепитием — 1 рубль 50 копеек".

Прелестные романы были исполнены певицей Светланой Бородиной и композитором Александром Болдыревым, а пироги и чай — женой директора музея В.Храмовича, анука Белова. Чай пили в столовой, где саживал Колчак, как делает теперь любой желающий омич.

Художник умер, но хозяева рассказывают, как о живом и счастливом человеке. Незадолго до смерти он написал: "Все пережитое переплавилось в любовь. Я счастлив, и вы это видите по моим пейзажам".

Он действительно любил сибирскую природу счастливой, безответной любовью. Одну из легенд о нем рассказывает омский шофер-мусорщик. "Еду рано-рано, смотрю — идет в шляпе, палкой помахивает... Думал, пьяный, а он меня вытаскил из кабины и говорит: ты посмотри, туда-растуда, — расцвет-то какой!.."

Алексей ЧЕРНИЧЕНКО